

Дементьева В.В. 2007: Spolia opima Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции // Вестник Ярославского государственного университета (серия Гуманитарные науки). 4, 5-11.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

yar.antik.center@gmail.com
<http://elar.uni Yaroslavl.ac.ru/jspui/handle/123456789/10>

Ярославский
государственный
университет
им. П.Г. Демидова
Yaroslavl Demidov State University

Российская
Ассоциация
Антиковедов
Russian
Society of
Classical Studies

Научно-исследовательский и
образовательный Фонд
«Центр изучения
римского права»
Ярославский филиал
The Research and Educational Foundation
“The Centre for Roman Law Studies”
Yaroslavl branch

ИСТОРИЯ

УДК 94(3)

Spolia opima Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции

В.В. Дементьева

Взятые в бою римскими воинами трофеи назывались spolia. Термин spoliūm изначально – «снятая (сброшенная) шкура» – применялся (как правило, во множественном числе) к одежде или доспехам, снятым в бою с убитых врагов, став затем обозначением военной добычи вообще (чаще всего доспехов и оружия). Особо почетными трофеями были spolia opima (в переводе на русский язык обычно используется странное по смыслу словосочетание «тучные доспехи», от буквального значения opimus – тучный, плодородный, богатый, обильный) – доспехи и вооружение, снятые с неприятельского полководца. Йорг Рюпке отмечает, что, вероятно, этимологически opimus происходит от opis (сила, могущество, военная мощь), но это оспаривалось уже в античности¹.

Сюжет античной традиции, породивший ряд принципиальных вопросов, связанных с ее достоверностью и противоречивостью, относится к spolia opima Авла Корнелия Косса, снятым с убитого им вентийского царя Ларса Толумния и преподнесенным, согласно сообщению Ливия², с посвятельной надписью храму Юпитера Феретрия. На этой надписи, как уточняет Ливий (IV.20.6), имелось указание на должность Корнелия Косса – консул. При этом Ливий ссылается на источник своей информации – слова Октавиана Августа, который сам прочитал надпись на льняном нагруднике в храме Юпитера (IV.20.7). Для Ливия при этом не ясен был ответ на вопрос, на какой год приходился упомянутый консулат Косса. События боя, в котором Корнелий Косс «пригвоздил к земле» Толумния (IV.19.1-6), Ливий относит к 437 г. до н.э., в котором по письменным источникам тот был обычным военным трибуном без консульских полномочий (IV.20.5). Данное сражение римский историк связывает со временем диктатуры Мамерка Эмилия, подчеркивая, что Корнелий Косс значился консулом в древних анналах и полотняных книгах (списках должностных лиц, хранившихся в храме Юноны

Монеты), из которых черпал свои сведения Лициний Макр, десятью годами позже вместе с Титом Квинкцием Пунийцем (IV.20.8). Ведя дальнейшее повествование, Ливий фиксирует консулат Косса для 428 г. до н.э. (IV.30.4). Затем, в 426 г. до н.э., в изложении Ливия, Авл Корнелий Косс стал военным трибуном с консульской властью и в тот же год – начальником конницы при диктаторе Мамерке Эмилии (IV.31.5), которого сам же как высший ординарный магистрат и провозгласил диктатором.

Для Ливия вопрос о том, в каком году имел место отмеченный в посвятельной надписи на spolia opima консулат, – «предмет размышлений» (IV.20.6): Ceterum, praeterquam quod ea rite opima spolia habentur, quae dux duci detraxit nec ducem nouimus nisi cuius auspicio bellum geritur... – «Однако, не говоря о том, что под «тучными» мы разумеем доспехи, снятые с вождя вождем, а вождя мы знаем только того, под чьим началом (точнее, «под чьими ауспициями». – В.Д.) ведется война...» (пер. Г.Ч. Гусейнова). Следовательно, доспехи, по рассуждениям Ливия, принадлежали главнокомандующему, а надпись сделана в ознаменование значительной победы. В 437 г. до н.э., когда была одержана победа, Косс не был консулом (по данным письменных первоисточников Ливия), в 428 г. до н.э., как подчеркивает римский историк, не было войн. Только на третий год, в 426 г. до н.э., когда Корнелий Косс был консульским трибуном и в тот же год начальником конницы при диктаторе, в ранге которого, имея империй, он провел другое выдающееся конное сражение – tertius ab consulatu Cossi annus tribunum eum militum consulari potestate habet, eodem anno magistrum equitum; quo in imperio alteram insignem edidit pugnam equestrem. (Liv. IV.20.10).

«Контроверза» в источниках о должностном положении Авла Корнелия Косса в момент добычи посвященных Юпитеру spolia opima стала в историографии объектом критики античной традиции и

основанием для выводов о фальсификации надписи на доспехах. Логика доводов в пользу данной версии сводилась к следующему.

В 29 г. до н.э. Лициний Красс (консул предшествовавшего 30 г. до н.э.) пожелал посвятить храму Юпитера Феретрия доспехи убитого им военного вождя бастарнов Дельдо (καὶ τὸν γε βασιλέα αὐτῶν Δέλδωνα αὐτὸς ὁ Κράσσοσ ἀπέκτεινε· κἀν τὰ σκῦλα αὐτοῦ τῷ Φερετρίῳ Διὶ ὡς καὶ ὀπίμα ἀνέθηκεν, εἴπερ αὐτοκράτωρ στρατηγὸς ἐγεγόνει. – *Dio Cass.* 51.24.4). Красс выиграл это единоборство, будучи проконсулом Македонии. Октавиан Август отказал Лицинию Крассу в принесении spolia Юпитеру, ссылаясь на то, что он совершил свой подвиг, не находясь в должности консула. Он подкрепил свой отказ примером посвячительной надписи Корнелия Косса, указывая на обязательность для акта посвящения наличия консулата в момент битвы. В историографии в связи с этим было высказано утверждение, что надпись с упоминанием консулата Косса была сфабрикована из-за политических мотивов, для обоснования позиции Октавиана в конфликте с Крассом. Эта точка зрения берет начало от Германа Дессау, который считал, что все разногласия в источниках относительно ранга Косса следует объяснить политическими соображениями Августа³. Данный взгляд нашел поддержку в работах Р. Сайма и Р.М. Огилви⁴.

В противовес названной гипотезе возникла концепция, в соответствии с которой информация античной традиции о надписи на посвященных Корнелием Коссом трофеях не является продуктом фальсификации Октавиана. Наиболее подробно ее аргументировали Эккарт Меншинг⁵ и Дж. Рич⁶. При этом если гипотеза, признающая надпись на трофейных доспехах сфабрикованной Августом, рассматривает упоминание о консулате Косса недостоверным, то противоположная исследовательская позиция содержит два взгляда: 1. Август действительно видел латы с надписью, но Косс консулом в реальности не был и не мог быть; 2. Август не фабриковал надпись, но должностной ранг Косса непонятен, ибо конституционные отношения середины V в. до н.э. «слишком неясны». Прежде чем мы рассмотрим аргументацию антиковедов их точек зрения по данному поводу, обратим внимание на сообщения нарративной традиции о видах spoilia и интерпретацию исследователями этих сообщений.

Фест⁷, Плутарх⁸ и Сервий⁹ сообщают о трех видах spolia opima, классификацию которых содержал «закон Нумы». Этот закон, видимо, входил в состав

leges regia, собранных неким Папирием при Тарквинии Супербе или немного времени спустя после его правления. Дионисий Галикарнасский¹⁰ информирует, что Нума Помпилий свел воедино записи понтификов по поводу священнодействий. После ликвидации царской власти понтифик Гай Папирий снова внес их в официальную запись. Помпоний в Дигестах называет Папирия Секстом и относит время его жизни к правлению Тарквиния Суперба¹¹.

Из сведений античных авторов нельзя получить четкое представление, в чем отличие spolia opima от spolia opima secunda и spolia opima tertia, и вообще, относились ли к spolia opima «вторые» и «третьи» spoilia. Фест приводит мнение Варрона, согласно которому простой воин мог взять spolia opima, – получается, согласно такой трактовке, что так назывались трофеи, взятые любым римским воином (от рядового до главнокомандующего) у военачальника врага. «Первые» же spoilia – это взятые военачальником с auspiciis и посвящаемые Юпитеру, «вторые» – посвящаемые Марсу, «третьи» – Янусу Квирину. Плутарх также ранжирует spolia на три вида, указывает их посвящение в том же порядке, что и Фест (но у него не Янус Квирин, а собственно Квирин), добавляя при этом слова о почетном даре «за первые 300, за вторые – 200, за третьи – 100». Юпитеру Феретрию, как пишет Плутарх, первым принес посвященные богу трофеи Ромул (царя Ценинского Акрона), вторым Корнелий Косс (этрусского царя Толумния), третьим Марцелл (галльского царя Бритомарта), после же Марцелла не было никого. Подобная информация о трех римлянах, посвятивших доспехи, содержится и у Феста. Но, по Плутарху, opima (ὀπίμα) – это именно spoilia, взятые первыми и снятые полководцем с полководца («стратегом со стратега»), что отличает его понимание spolia opima от Феста, причем Плутарх ссылается на господствующее мнение для такой трактовки. Сервий в комментариях к «Энеиде» Вергилия (к строке о том, что «третий доспех» Марцелл посвятил Квирину) называет «первыми» те доспехи, которые посвятил божеству (Юпитеру) Ромул, вторые – Косс (Марсу). У него иная информация, какому божеству посвящали доспехи Корнелий Косс и Марцелл, и «классификация» на первые, вторые и третьи spoilia дана по именам римских героев, а не на том основании, какому богу было осуществлено посвящение.

Кроме «закона Нумы», как сообщает Дион Кассий¹², при Цезаре было сенатское решение, принятое, по определению Й. Рюпке, «в рамках пропаган-

дистского оживления Ромула – или, скорее, может быть фигуры Ромула-Квирина¹³, осуществленного Юлиями (или даже самим Цезарем). Из его содержания опять-таки следует, что Юпитеру Феретрию приносил в жертву «тучные доспехи» тот высший магистрат, кто собственноручно убил вражеского вождя. И сенатское решение, и сама тема как таковая, на взгляд немецкого исследователя, есть проявление «Ромулова ренессанса».

Расхождения в античной традиции по поводу трех видов спойлий, отмеченных еще в «царских законах», плохая сохранность текста Феста, неполная ясность смысла сказанного древними авторами привели к появлению в историографии различных трактовок их информации.

Курт Латте понимал сведения нарративной традиции следующим образом. «Первыми» назывались спойлии, которые взял командующий, воевавший под своими собственными ауспициями, с вражеского вождя; они посвящались Юпитеру Феретрию. «Вторые» и «третьи» различались по тому, были ли они взяты командиром подразделения римских войск – без собственного высшего командования – или простым воином. И посвящались они в одном случае Марсу, в другом – Квирину¹⁴. Рядовой солдат, как и офицер, отмечал К. Латте, должен был оставить у ворот наполненные вражеской магией доспехи и посвятить их божеству ворот, прежде чем вступить в город. Этот акт проистекал из страха, который испытывали римляне перед вражеским оружием. Понятно, пишет К. Латте, что анналистическая традиция, на которую ориентировались Сервий и Плутарх, заменила Януса Квирина на показавшегося подходящим Квирина. У Вергилия даже Марцелл посвящает свои *spolia opima* Квирину, что свидетельствует о том, подчеркивал К. Латте, как ненадежна была традиция времен Августа. На его взгляд, контрверза о спойлиях Корнелия Косса у Ливия показывает, что различие было относительно недавним. Объяснять разногласия в источниках по поводу должностного ранга Косса политическими соображениями Августа, как это делал Г. Дессау, К. Латте считал неприемлемым. Из рассуждений К. Латте неясно, все ли три вида спойлий он считает *opima* или только первый из них.

Иной вариант трактовки сведений источников о трех видах спойлий предложил Ж.К. Пикар¹⁵, который рассматривал три стадии ранней формы триумфальной процессии (еще до этрусских царей): в ней, по его мнению, трофеи сначала посвящались Марсу на Марсовом поле, затем Янусу Квирину

при пересечении померия и потом уже Юпитеру Феретрию на Капитолии. На его взгляд, ритуал посвящения спойлий богам, будучи очень древним, изначально относился не только к доспехам вражеского полководца, но и к другим трофеям. Как видим, последовательность божеств при посвящениях трофеев в интерпретации Ж.К. Пикара отличается от перечисления их у античных авторов.

Сакральный аспект спойлий детально рассмотрен Й. Рюпке¹⁶. Избежавшие военного сожжения на поле битвы части экипировки противника понимались как носители вражеской, потенциально деструктивной энергии, это были отнятые *sacra*; к сакральному статусу восходит их «нетронутость», запрет на их реставрацию. Сакральное значение имели и возникшие еще на заре исторического времени входы в ворота, а под влиянием эллинистической архитектуры – в храмы. Й. Рюпке отмечает, что *spolia opima* – это разновидность *spolia provocatoria*, спойлий, отобранных у того, кто бросил вызов, т.е. трофеев, завоеванных в единоборствах. Й. Рюпке различает *spolia opima* в «узком смысле» – вражеское вооружение, которое бралось *dux a duce*, т.е. римский полководец снимал их с вражеского военачальника. Именно эти спойлии, по его мнению, могли быть доставлены в город в торжественной процессии и посвящены храму Юпитера Феретрия. Ромул, Корнелий Косс и Клавдий Марцелл завоевали именно такие, подчеркивает Й. Рюпке, *spolia*. Все трое являли собой в нарративной традиции примеры высшего мужества, *virtus*, они служили *exempla* для новых поколений. *Spolia opima* «в широком смысле», считает Й. Рюпке, – это технический термин, под которым следует понимать любое вражеское вооружение и доспехи, отнятые римским воином любого ранга у противостоявшего военачальника. Если рассматривать в такой плоскости, пишет Й. Рюпке, то *prima spolia opima* относились к посвящениям Юпитеру Феретрию, *secunda spolia opima* – к посвящениям Марсу, *tertia spolia opima* – к посвящениям Квирину. *Prima spolia opima* были связаны с собственным правом ауспиций, *secunda* и *tertia* различались по тому, взял ли их командир римского подразделения или рядовой воин (здесь он присоединяется к К. Латте).

Й. Рюпке предпринимает попытку реконструкции содержания «закона Нумы», взаимно дополняя сведения Феста и Плутарха. Указывая, что все рукописи, воспроизводя цифры «почетного дара» («вознаграждения»), приводимые Плутархом, называют вместо двухсот – восемьдесят, но это описка,

«сигма» вместо «пи» легко может быть начертана. Согласно реконструкции Й. Рюпке, тот, кто добыл споллии под своими ауспициями, посвящает их Юпитеру Феретрию и приносит жертвы крупным рогатым скотом стоимостью в 200 (ассов?). О том, закланием какого скота сопровождалась «вторые» споллии, в источниках нет упоминаний, поэтому Й. Рюпке полагает, что это могли быть жертвоприношения овцы, свиньи или быка (*solitaurilia*) – по собственному усмотрению жертвователя, – взрослых или молодых животных. Добывший «третьи» споллии отдавал на заклание в дар Квирину барана. В заключительной фразе Феста содержится требование умиловительной жертвы (*piaculum*) обладателя ауспиций. Носитель ауспиций, в отличие от других воинов, добывших споллии, совершает единственное иное действие – посвящает их боже-ству. Й. Рюпке делает вывод, что *piaculum* носителя ауспиций должно было искупать отсутствующее посвящение *spolia secunda* и *spolia tertia*. Употребление же множественного числа (*dis – dat., abl. pl. к deus*) указывает, считает Й. Рюпке, на сакральные гарантии носителя ауспиций для всех *spolia*. Исследователь полагает, что «закон Нумы» соответствует скорее республиканской систематизации сакрального права понтификами после Второй Пунической войны. Пропуск названия денежной единицы был сделан с целью архаизации. Одновременно, замечает Й. Рюпке, можно обнаружить и древнее ядро: ввоз в городскую черту «заряженных энергией» доспехов вражеского вождя мог быть осуществлен только при серьезных мерах предосторожности со стороны высшего магистрата. «Частный ввоз» в померий *spolia provocatoria* (части доспехов, взятых с собственноручно убитого чужого военачальника) предполагал необходимость фиксации их где-то в определенном месте, чтобы оставить в прежнем состоянии. Поэтому даже при смене места жительства их «добытчика» споллии оставались на своем месте, переходя вместе с домом к другому владельцу, о чем свидетельствует Плиний (N.H. XXXV.7). Й. Рюпке также отмечает, что анализ *spolia opima* раздвигает горизонты понимания триумфа, поскольку решающее различие церемоний следует усматривать в различии ввозимого в их ходе «груза».

Дж. Рич разделяет взгляд, что закон о *spolia*, отсылка на который дана у Феста, не мог быть архаичным, но сохранил архаичное ядро с более поздними вставками (упоминание сложного божества Януса Квирина и денежных платежей)¹⁷. Дж. Рич не поддерживает гипотезу Ж.К. Пикара о класси-

фикации трофеев в римских процессиях до этрусских царей. Не соглашается Дж. Рич и с Р.Г. Остином в интерпретации слов Вергилия (о посвящении «отцу Квирину»), что Марцелл сделал это посвящение в храме Юпитера Феретрия «в честь Ромула», поскольку в нем была статуя Ромула¹⁸. Дж. Рич полагает, что словам Вергилия надо придавать то значение, которое непосредственно в них содержится. Не вызывает возражения Дж. Рича имеющееся в литературе предположение (С. Оукли), что *spolia opima* посвящались, когда война была решена отдельным сражением между предводителями.

Информация источников и анализ, проделанный исследователями на основе источниковедческих наблюдений как видов споллий, так и норм, регулировавших их посвящение, заставляет нас признать, что Корнелий Косс мог совершить принесение доспехов Толумния Юпитеру только будучи носителем ауспиций, значит, он должен был в тот момент быть высшим ординарным или экстраординарным магистратом.

Следовательно, если в 437 г. до н.э. он был просто военным трибуном (без консульской власти), то такое являлось невозможным. Остается взвесить все «за» и «против» 426 г. до н.э., когда были войны, и у Корнелия Косса – в силу занятия им магистратур с империем – были ауспиции. Но для этого надо сначала суммировать аргументы исследователей, признающих достоверность упоминания традиции о том, что Август видел споллии Косса в храме Юпитера.

Многие антиковеды сходятся в том, что Ливий нейтрален, когда излагает информацию Августа. У него нет, как отмечает Кэри Форсайт¹⁹, ни тонкой иронии по поводу нее, ни ее критики; тон серьезный, уважительный, лишенный подхалимства. Двойственность его позиции по отношению к противоречивым сведениям коренится, на ее взгляд, в собственных недостатках Ливия как историка. Эккарт Меншинг отмечал, что Ливий относится с полным доверием к информации Августа, но невозможно, на его взгляд, согласиться с тем, что Ливий в своем труде хотел поддержать политику Августа²⁰. Э. Меншинг не находит также, что Ливий был противником режима.

Э. Меншинг добавляет еще один веский аргумент. «Трюк» Августа имел бы смысл, если бы о надписи знали важнейшие сенаторы и «общественность»²¹. Когда Ливий прибыл, вероятно, в 30 г. до н.э. в Рим, он не был известен и не имел связи с Августом. Ливий до середины 24 г. до н.э., считает Э. Меншинг, о надписи ничего не слышал, а спустя

4 – 5 лет после отказа Лицинию Крассу в посвящении спойлий смысла фальсифицировать (чтобы укрепить этот отказ) никакого не было. Тем самым, как подчеркивал Э. Меншинг, рушится решающий аргумент в пользу лжи и фальсификации. Жан-Клод Ришар отмечает, что в 31 – 29 гг. до н.э., когда Ливий обнаружил первые шесть книг своего труда, он не знал о спойлиях Косса, добавление о них появилось, когда он переделывал эти книги для повторной публикации в 27 – 25 гг. до н.э.²²

Дж. Рич дает еще одно наблюдение²³. Когда Вергилий писал свои строки о спойлиях, принесенных Марцеллом, он также не знал о находке Августа или игнорировал ее. Это тем более примечательно, что шестая книга, где содержатся указанные строки, была одной из трех книг «Энеид», которые Вергилий читал Августу, при этом принцепс и его сестра были растроганы воскрешением памяти о Марцелле.

С данной аргументацией можно полностью согласиться. Она, действительно, дает основание для вывода о том, что «уловка» Августа не имела места и он действительно видел доспехи, посвященные Юпитеру Корнелием Коссом. Но мы не можем согласиться с мнением Дж. Рича, что латы, которые видел Октавиан, были результатом более поздней реставрации, выполненной, как считает британский антиковед, во время принесения спойлий Марцеллом²⁴. Тогда-то, на его взгляд, и могла быть добавлена надпись. Однако Плутарх специально задавался вопросом о том, почему римляне отбитые у врага доспехи оставляют погибать от времени²⁵, совершенно определенно фиксируя сакральный запрет на их реставрацию. Поэтому мы не можем поддержать такую трактовку Дж. Рича.

Так как, по мнению Дж. Рича, свидетельство самой надписи ценности не представляет, его дальнейшие рассуждения сводятся к следующему. Поскольку в описаниях войны против Вей и Фиден у Ливия есть дублирование, альтернативное предположение состоит в том, чтобы принять, что Косс взял спойлии в 426 г. до н.э., будучи *magister equitum* при диктаторе. При этом он был не командующим, а подчиненным, доктрина же о том, что, только сражаясь под собственными ауспициями, можно добыть «первые» спойлии, появилась лишь в середине I в. до н.э.

Возразим сначала по поводу последнего утверждения. Начальник конницы при диктаторе, по нашему мнению, которое мы обосновывали в соответствующей монографии²⁶, имел империй. Наличие империя – вне всякого сомнения – давало магистрату

право на проведение ауспиций²⁷. Поэтому в принципе Корнелий Косс мог посвятить *spolia opima*, будучи *magister equitum*, и при условии действия в V в. до н.э. сакральной нормы собственных ауспиций.

Кроме того, Дж. Рич считает, что в V в. до н.э. термина «консул» вообще не было, так как высший магистрат назывался «претор», поэтому упоминания о консулате на *spolia opima* быть не могло. Согласиться мы с этим тоже не можем, поскольку полагаем, что смена названия высшей магистратуры (вместо ранней претуры – консулат) произошла после децемвирата, в 449 г. до н.э. Мы уже обосновывали положение, что возникший в магистратуре децемвиров принцип коллегиальности был использован в ординарной высшей магистратуре и первоначальная претура с иерархией должностных лиц преобразуется в консулат с подлинной коллегиальностью²⁸. Следовательно, по нашему мнению, к моменту введения консульского трибуната в римское государственно-правовое устройство, и тем более к 30-20 гг. V в. до н.э., когда прославился своими подвигами Авл Корнелий Косс, высшая ординарная должность уже называлась консулатом.

Но этим наши возражения не ограничиваются. Дело в том, что все исследователи, которые отвергали фальсификацию Октавианом спойлий Косса, отталкивались от того, были ли у принцепса причины для этой уловки. От возможности занятия Коссом консульской должности никто из них не отталкивался. То, что консулат Корнелия Косса – при получении доспехов Толумния – был нереален, являлось для историков аксиоматической данностью. Мы же попытаемся посмотреть на сведения нарративной традиции не «из первого века», а «из пятого века до нашей эры» и ответить на вопрос, мог ли занимать Корнелий Косс, когда под своими ауспициями взял трофейные доспехи вражеского царя, собственно консульскую должность.

Валерий Максим сообщает, что Авл Корнелий Косс получил *spolia opima* тогда, когда он был начальником конницы при диктаторе²⁹, т.е. в 426 г. до н.э. В повествовании Ливия и в 437 г. до н.э., и в 426 г. до н.э. Корнелий Косс был на войне вместе с диктатором Мамерком Эмилием, – судя по всему, произошло дублирование событий в римской историографии. В этом мы согласны с Дж. Ричем. Вероятность этого дублирования особенно велика, так как событие, в изложении Ливия предшествовавшее поединку Косса с Толумнием, – убийство римских послов по приказу царя вейян, относимое Ливием к 438 г. до н.э., у Диодора приходится на 426 г. до

